

**Е. Ю. Лебеденко, Н. В. Суржикова**  
**«НЕТ, ХОРОШО ЖИТЬ НА СВЕТЕ ВСЕ-ТАКИ!...»:**  
**СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ И ВРЕМЯ В ДНЕВНИКЕ**  
**СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИАЛКИ СЕРЕДИНЫ XX В.\***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-180-189

УДК 94(47)"19"

ББК 63.3(2)6

В статье на примере личного дневника советской провинциалки середины XX в. рассматриваются такие важные для культурной истории и исторической антропологии проблемы, как генезис и динамика представлений современников той или иной исторической эпохи о счастье, любви и времени. Показано, что в трактовках этих понятий, представленных в дневнике Т. Д. Рожковой, мирно соседствовали исторически, культурно, социально и лично обусловленные пропозиции. Соотношение типично советского, типично женского, типично интеллигентского и сутобо частного при этом не поддается строгой оценке. Однако какими бы непростыми ни казались переплетения нормативного и казуального в представлениях Т. Д. Рожковой о счастье, любви и времени, в целом автор безусловно тяготеет к универсальному пониманию счастья, любви и времени как важнейших аспектов человеческой жизни, прочно обосновавшихся в сфере и индивидуального, и коллективного воображения. При этом несмотря на то что главной задачей дайаристики явно не являлось объективное отражение реальности, ее дневник оказался наполнен дыханием своей эпохи. Прежде всего, его экспонируют риторические модели и нарративные шаблоны, использованные Т. Д. Рожковой в рассуждениях о счастье, любви и времени — рассуждениях, которые запечатлели, что обычный советский человек жил богатой внутренней жизнью, а его «советскость» вовсе не была чем-то одномерным.

Ключевые слова: *эго-документы, дневник, счастье, любовь, время, творчество, уют, романтизм, ностальгия, утопия*

В современных исторических исследованиях, терминология которых обновляется вместе с их методологией, все чаще используется термин «эго-документы». Имея «зонтичный» характер, он используется для маркировки источников, отличающихся непременным присутствием «я»: частной переписки и «писем во власть», дневников и воспоминаний, маргиналий и записок для памяти, служебных автобиографий и тревелогов. Их изучение, с каких бы позиций оно ни осуществлялось — будь то логика уподобления и универсализации самоописательных нарративов или логика их расподобления и уникализации, — демонстрирует многосложность и многозначность

таких источников. В полной мере это относится к личным дневникам, которые с их бесконечными дескрипциями, отрывочностью и незаконченностью имманентно противоречивы и даже обманчивы. Смыкание речи автора и речи времени на страницах дневника уподобляет работу исследователя с таким текстом работе переводчика, даже декодера, позволяя распознать субъект, его мотивы, эмоции и мысли лишь отчасти. Вместе с тем именно дневники фиксируют, что обыкновенность, массовидность человека не определяется через пару-тройку критериев, поскольку «исторический субъект может артикулировать себя вдоль нескольких дискурсивных осей, участвуя во множественности игр с идентичностями».<sup>1</sup> Особенно богатой на такие игры стала в России первая половина XX в., ознаменовавшаяся поиском модели и «сборкой» нового советского человека. Дневник советской провинциалки, на основе которого написана настоящая статья, свидетельствует, как и другие аналогичные источники,<sup>2</sup> что процесс этой сборки

*Лебеденко Елена Юрьевна — к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)  
E-mail: hyulebed@mail.ru*

*Суржикова Наталья Викторовна — д.и.н., заместитель директора, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)  
E-mail: snvplus@mail.ru*

\* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте» (рук. Н. В. Суржикова)

<sup>1</sup> Халфин И. Синтаксис большевистского субъекта // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 407.

<sup>2</sup> О советских дневниках см.: Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения. М., 2021; Савкина И. Л.

в каждом конкретном случае не означал безусловной типизации, оставляя место социальной самобытности.

*«Сибирские тетради» и их автор*

Автор изучавшегося нами дневника, а точнее фрагмента дневника, Татьяна Дорофеевна Ходолей-Рожкова (1904–1985), родилась в Киеве в семье потомственного почетного гражданина, инженера-лесовода Д. М. Ходолей-Рожкова (1881–1950). В Киеве же прошло ее детство, совпавшее с эпохой войн и революций. Специальное образование Татьяна получила в Киевском железнодорожном техникуме (1922, не окончила по причине его закрытия), Киевском высшем техникуме внешних сношений (1926) и Московском промышленно-экономическом институте (1932). В Москву семья Рожковых переехала в 1927 г., где Татьяна, помимо института, обучалась еще и на Высших государственных литературных курсах вплоть до их ликвидации в 1929 г. Что касается трудовой биографии автора, то ее московский период был весьма разнообразен. За немногим более десяти лет Т. Д. Рожкова успела поработать в редакции детского журнала «Искорка» и Московском союзе потребительских обществ, в тресте Нарпит и на Кусковском химзаводе, на заводе «Борец» и во Всесоюзной плановой академии при Госплане СССР. В Москве же Т. Д. Рожкова вступила в свой единственный брак, закончившийся разводом (1934). Ни мужей, ни детей в ее жизни после этого не было.

Семьей для Т. Рожковой был отец, вместе с которым в 1941 г. она оказалась в эвакуации в Тюмени. Здесь ее ждала работа в городской библиотеке, газете «Красное знамя», областном музее. В 1947 г. в жизни Т. Рожковой наступил новый период, связанный с началом ее работы в областном архивном отделе. С тех пор архивная работа, а с ней и история Западной Сибири стали делом всей ее жизни. Сначала она занималась ими в Тюмени, а затем, с 1955 г., в Тобольске.

Т. Д. Рожкова умерла и была похоронена в Тобольске, в архиве которого и хранится ее личный фонд. Его основу составляют именно дневники, представленные несколькими десятками тетрадей. Первое из 16 дел с дневниками начинается записью от 3 февраля

1916 г. по старому стилю.<sup>3</sup> Последняя дневниковая запись сделана Т. Д. Рожковой 20 марта 1985 г., всего за пару недель до смерти.<sup>4</sup> Начатый, очевидно, по настоянию матери и постепенно обретший черты дневника-хроники, дневника-травелога и дневника-исповеди, для Т. Рожковой дневник стал значимой частью ее жизни.<sup>5</sup> Более того, со временем он превратился в повод для раздумий, которые позволили дайаристке одновременно и фрагментировать, и обобщать написанное: «Перечитала свои забытые дневник[и] (Кавказский, Белоцерковский, Военного времени ([19]41–[19]42 гг.)... Читала с большим увлечением Книгу моей жизни...»<sup>6</sup> Никакого парадокса эта одновременность не означала, зафиксировав обычную для дневника функцию — синтаксически организовывать жизненный опыт скриптора.

Необходимо, однако, отметить, что строго последовательного жизнеописания Т. Д. Рожковой ее дневник не дает, изобилуя массой временных разрывов. Эти разрывы, как представляется, позволяют декомпозировать текст данного источника и сосредоточиться на его отдельных частях. По сути, сама Т. Д. Рожкова дала нам право рассматривать в качестве одной из таких частей записи за июль 1947 — январь 1951 г., «нареченные» автором «Сибирскими тетрадями».<sup>7</sup> Созданные в Тюмени после пяти лет «молчания» дайаристки, эти тетради, по ее личному признанию, знаменовали начало нового жизненного этапа: «Теперь настала вторая молодость...», «Итак начинается старая, но “новая полоса” жизни...», «Открываю новую страницу своей жизни».<sup>8</sup> Оглядываясь в прошлое, Т. Д. Рожкова при этом убеждала себя, что ей наконец-то удалось найти свое место в мире и обрести душевное равновесие: «Жизнь в “далек[ой] Сибир[и]” у меня содержательн[ее] и внутренне гармоничн[ее] чем в “Культур[ной] Москв[е]».<sup>9</sup> Однако знакомство с дневником доказывает, что два мира — внутренний мир автора и мир вокруг него, — встречаясь на страницах дневника и тем самым объективируя «я-для-других»

Дневники и записки 1930–1940-х годов // Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х годов. М., 2014. Т. 1. С. 412–437; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

<sup>3</sup> Дневник, 1916–1922 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

<sup>4</sup> Дневник, 1977–1982 гг. // Там же. Д. 69. Л. 240.

<sup>5</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // Там же. Д. 60. Л. 82об. Запись от 13.12.1949.

<sup>6</sup> Там же. Л. 169об. Запись от 03.09.1950.

<sup>7</sup> Дневник, 1951 г. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 61. Л. 38об. Запись от 17.05.1951.

<sup>8</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // Там же. Л. 25об. Запись от 16.09.1947.

<sup>9</sup> Там же. Л. 82об. Запись от 13.12.1949.

и «я-для-себя», были далеки от баланса. Это зафиксировали в том числе и страницы дневника, посвященные авторским рассуждениям на темы счастья, любви и времени — темы, которые являлись центральными в данном самосвидетельстве и сделали его по-настоящему женским.<sup>10</sup>

### Поиски счастья

Следует отметить, что женские дневники не являются редким видом источника для первой половины XX в.<sup>11</sup> Но далеко не в каждом из них тема счастья занимает столько места, сколько ей отведено в дневнике Т. Д. Рожковой. В этом убеждают постоянные обращения автора к слову «счастье» и его производным: «...к счастью водолеchenье стало понемногу помогать», «к счаст[ью] идет дождь», «купила себе... рубиновый перстень... на счастье», «счастье, что я позвонила Ковенскому...», «вот счастье-то, что шуба в порядке».<sup>12</sup> Отчасти это можно объяснить общим состоянием послевоенного советского общества, счастливого общества победителей, вернувшихся после долгих лет лишений к мирной жизни. Но дело, очевидно, было не только в этом. Советская идеология еще в довоенный период обязала каждого советского человека быть счастливым, поскольку именно ему выпало счастье «проложить верный путь к светлой жизни всего человечества».<sup>13</sup> Здесь уместно процитировать Б. Сарнова, который, говоря об «осовещенном» понимании счастья, констатировал: «Слово “счастье” стало обозначением некоего постоянного состояния общества. Разумеется, только нашего, советского, социалистического общества. И даже когда говорилось о счастье советского человека, имелся при этом в виду не конкретный какой-нибудь советский че-

ловек, а советский человек вообще, который счастлив (должен быть счастлив!) уже по одному тому, что он советский... Народ... вполне недвусмысленно выразил свое отношение к этому советскому идеологическому штампу такой, например, частушкой: “Наша родина прекрасна / И цветет как маков цвет. / Окромья явленья счастья / Никаких явлений нет!” Если же речь, случалось, заходила о личном счастье, то это, во-первых, особо подчеркивалось эпитетом, а во-вторых, обретало презрительный, а то и прямо осуждающий характер».<sup>14</sup>

Очевидная утопичность концепции коллективного счастья, predeterminedная неразрешимым «противоречием между посвящением себя коллективистским идеалам и естественным человеческим желанием обрести личное счастье»,<sup>15</sup> обернулась тем, что официальная трактовка счастья и его понимание на уровне личных устремлений советских людей не совпадали. Свидетельствуя об этом, дневник Т. Д. Рожковой экспонирует сложную синтетическую модель счастья, в которой оказались сплавлены сразу несколько «счастий»: счастье «интересной творческой работы», счастье «спокойного уютного уголка» и счастье взаимной настоящей любви. Только их одновременное сочетание, по мысли дайаристики, позволяло ощутить всю полноту жизни и удовлетворение от нее.

Непременным условием счастья-работы Т. Д. Рожкова при этом считала ее обязательную «содержательность», подкрепленную общением с «культурными» товарищами и получением авторитета среди них.<sup>16</sup> Вместе с тем, обрисовывая в дневнике образ труда-подвига, типичный для массовой культуры первых 30 лет советской власти,<sup>17</sup> Т. Д. Рожкова замечала, что ей для обретения счастья в труде нужно несколько больше, нежели коллективные производственные победы: «Найден правильный жизнен[ный] путь... Завоевана уверенность в своих силах и самое главное сознание полезности и ценност[и] своей работы... Наконец я твердо стою на земле... и наконец завоевал[а] и право на творче[ский] труд».<sup>18</sup> Тем самым,

<sup>10</sup> О специфике женских самосвидетельств см.: Пушкарева Н. Л. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад-Восток. 2018. № 11. С. 161–180; Рожанский М. Дневник советской девушки // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. Т. 3, № 4. С. 55–70; Савкина И. Л. «Я же — человек обыкновенный»: анализ двух женских дневников советского времени // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 79–88; Herzberg J. Telling Life, Writing War. The Diary of Maria Bruss // Avtobiografija. 2015. № 4. P. 271–278; и др.

<sup>11</sup> См., напр.: Лашина Н. С. Дневник русской женщины: в 2 т. М., 2011; Островская С. К. Дневник. М., 2013; Шапорина Л. В. Дневник: в 2 т. М., 2011; и др.

<sup>12</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 30, 33, 48об., 64об., 68об., 168об. и др. Записи от 06.12.1947; 16.11.1949; 27.08.1949; 13.10.1949; 05.11.1949; 30.08.1950 и др.

<sup>13</sup> Макаренко А. С. О счастье. Заметка // Педагогические сочинения: в 8 т. М., 1984. Т. 7. С. 101.

<sup>14</sup> Сарнов Б. М. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002. С. 114, 115.

<sup>15</sup> Balina M., Dobrenko E. Introduction // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style. London; New York, 2009. P. XVI.

<sup>16</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 54об., 55об., 68 и др. Записи от 05.09.1949; 24.09.1949; 07.10.1949; 15.11.1949 и др.

<sup>17</sup> Там же. Л. 194об. Запись от 29.12.1950.

<sup>18</sup> Там же. Л. 57. Запись от 02.10.1949.

отдавая дань раннесоветскому мифу о труде, напрямую связанному с теорией «казенного» коллективного счастья, Т. Д. Рожкова бессознательно зафиксировала одну из знаковых социальных интуиций середины XX в. Интуиция эта выражалась в медленном, но верном дрейфе советского трудового дискурса, в рамках которого героини социалистических строк 1930-х гг. постепенно уходили в прошлое, уступая свое место ученым и инженерам с их индивидуальным трудом-творчеством.<sup>19</sup>

Такое непереносимое условие «светлой, счастливой жизни»,<sup>20</sup> как наличие «уютного уголка», казалось бы, напрямую связывало «счастливую концепцию» нашей героини с традиционными представлениями о женском счастье. Однако за «домашним счастьем» Т. Д. Рожковой стояло нечто большее, нежели только укрытие от «шума и утомительной суеты» и пространство свободы «от всех и всего». Для полноты ее «домашнего счастья» дайристке был необходим не просто маленький автономный мирок, но и уют, обеспечить который были призваны всевозможные личные вещи и вещишки. Их набор включал как атрибутивно важные для советского «культурного» быта материальные блага (скатерти, занавески, книги, абажур и пр.),<sup>22</sup> так и вещи, функционально сомнительные: «У меня везде рамочки, карточки, флакончики, картинки — все эти милые пустячки — украшают мой “робинзонов шалаш” — такой пустой без них».<sup>23</sup> Не вписываясь в нормативный образ рационального советского обихода, вещи такого рода были прямой отсылкой к тем самым слоникам, фикусам и искусственным цветам, с которыми, как с «домашним хламом», боролась время от времени советская пропаганда. Однако именно эти «домашние блаженства» и «маленькие радости» стали «заботливыми друзьями» своей владелицы, давая ей возможность «забыться и отдо[х]н[у]т[ь] в их ласков[ом],

теплом кругу».<sup>24</sup> Окружив себя всем этим «буржуазным хламом», Т. Д. Рожкова не просто утоляла жажду материального, охватившую послевоенное советское общество.<sup>25</sup> Она интуитивно следовала ценностям зарождавшегося советского среднего класса с характерным для него увлечением домашним уютом и «позитивно окрашенным дискурсом вещей как предметов потребления».<sup>26</sup>

Таким образом, и представления о счастье-труде, и о «домашнем счастье», отраженные в дневнике Т. Д. Рожковой, выдавали в ней человека вполне современного, в отличие от ее понимания любви, которая в иерархии составляющих счастья оставалась для дайристки, безусловно, главной.

### *Философия любви*

Романтический дискурс,<sup>27</sup> в рамках которого выдержаны пассажи, посвященные теме счастья как любви, свидетельствуют, что под ней Т. Д. Рожкова понимала обретение любящими друг друга людьми полной гармонии души и тела. Такая любовь должна была быть «одухотворенно-красивой» и строиться прежде всего на эмоциональной связи любящих людей.<sup>28</sup> Образ идеального возлюбленного воплощался при этом в образе «родной души» и «близкого друга»,<sup>29</sup> без которого автор дневника чувствовала себя обделенной жизнью: «Нет радости ласкового слова, нет радости чуткой любящей души, которая рядом с тоб[ой] всегда, нет радостей милых сердечных забот о тебе».<sup>30</sup> За повторявшимся в этой фразе однозначным «нет» скрывалась, однако, не только неудовлетворенность автора. За ним также скрывалось и то, что никакой стратегии поиска сердечного друга у дайристки не

<sup>19</sup> Там же. Л. 970б. Запись от 26.01.1950.

<sup>20</sup> См.: Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. New York, 1976. P. 42, 43.

<sup>21</sup> См. об этом: Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 59, 96; Гурова О. Ю. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005. С. 13, 14.

<sup>22</sup> См.: Апресян Р. Г. Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» // Этическая мысль. 2005. № 6. С. 201–218; Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современном обществе. СПб., 2004; Малахаева С. К. «Романтическая любовь» как инновационная модель субъективности: историко-культурологический экскурс // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7, № 1. С. 58–64; и др.

<sup>23</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 25. Запись от 16.09.1947.

<sup>24</sup> Там же. Л. 68, 710б., 72, 1780б. Записи от 15.11.1949; 23.11.1949; 28.11.1949; 17.10.1950.

<sup>25</sup> Там же. Л. 178 об. Запись от 17.10.1950.

<sup>19</sup> См. подробнее: Лебедева Е. Ю., Суржикова Н. В. Дневник (не)обыкновенной женщины: диалоги со временем и поиски себя // Вестн. Перм. ун-та. История. 2021. № 1 (52). С. 168–180.

<sup>20</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 380б. Запись от 11.01.1948.

<sup>21</sup> Там же. Л. 720б., 182. Записи от 27.11.1949; 07.11.1950.

<sup>22</sup> См.: Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213; Козлова Н. Н. Соцреализм: производители и потребители // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 143–153; и др.

<sup>23</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 164. Запись от 15.08.1950.

было. Она просто ждала его, в лучшем случае выпрашивала у судьбы в угоду сложившейся еще в 1930-е гг. в СССР «новой морали», основанной на подчинении обстоятельствам.<sup>31</sup>

Обстоятельства же, как явствует из дневника Т. Рожковой, снова и снова убеждали ее в недостижимости любовного идеала, превратив «неразрешимую проблему душевного одиночества» в главную боль дайаристки.<sup>32</sup> Она фактически смирилась с тем, что образцового партнера-рыцаря, способного на «глубо[ко]е красивое чувство», найти невозможно.<sup>33</sup> Основной причиной, заставившей автора дневника отказаться от иллюзий, послужила ее убежденность в широком распространении среди современников «примитивного» представления о любовном чувстве. «Все почти люди вокруг, даже и очень культурные и развитые, под близостью понимают только близость, не выходящую за пределы близости чисто физической», — отметила Т. Д. Рожкова в один из дней, будучи при этом убеждена в том, что слияние тел без душевной компоненты было всего лишь «физкульт[урой] без тени сердеч[но]сти».<sup>34</sup>

Между тем, позиционируя себя как истинную романтическую героиню,<sup>35</sup> жившую в ожидании «опьяняющей радости любви» или же страдавшую по тому, «без кого тоскует душа»,<sup>36</sup> Т. Д. Рожкова не отрицала значимости физической любви категорически. Более того, она вполне могла с упоением рассказывать о «силе и красоте апофеоза страсти».<sup>37</sup> Однако даже самая прекрасная страсть, снова подчеркивала дайаристка, никак не могла заменить близости душ. Обращаясь к собственному опыту, дайаристка не скрывала, что подобные встречи неизбежно приводили к разочарованию: «В жизни была по существу либо в лучшем случае красивая, но бесплодная игра высоких чувств, либо попросту чувства, оказывавши[е]ся самым примитивн[ы]м

и грубым обманом впоследств[вии]».<sup>38</sup> Единственное, что оправдывало «грубый суррогат» чувств, по мысли Т. Д. Рожковой, это «желанье заглушить тоску» хотя бы на время.<sup>39</sup>

Стоит ли удивляться, что, отстаивая свою позицию относительно любви в споре со случайными попутчиками на пароходе «Орджоникидзе», Т. Д. Рожкова была обвинена в «непроходимом идеализме»? Но на самом деле это был не просто идеализм, замешанный на романтизме. Помимо романтизма, в ответах оппонентам дайаристка воспроизводила еще и риторику дискуссий «по половому вопросу» середины — второй половины 1920-х гг., кроме, пожалуй, «фразеологии» о тесном переплетении личного и общественного, коллективного и интимного. Очевидное идейное влияние 1920-х гг. на философию любви Т. Рожковой проявлялось, в частности, в безусловной корреляции этой философии с концепцией «крылатого Эроса» А. М. Коллонтай — концепцией, которая трактовала любовь как единство душевно-духовных эмоций и влечения тел.<sup>40</sup> Так, буквально напрямую к «крылатой» символике А. М. Коллонтай отсылала метафора «непослушного сердца», использованная дайаристкой для описания знакомства с потенциальным избранником: «Все-таки непослушное сердце вдруг встрепенулось и снова взмахнуло крылом, чтобы лететь на встречу — чему?»<sup>41</sup> И хотя для дайаристки, в отличие от «валькирии революции», любовь оставалась исключительно приватной, ожидания, адресованные Т. Д. Рожковой романтическому партнеру («ласковое слово», «чуткость», «внимание», «душевное тепло», «сердечная забота» и пр.),<sup>42</sup> также явно перекликались с характерными для концепции Коллонтай представлениями об основах чувства «товарищества» («стойкая взаимная поддержка, чуткое участие и внимательная отзывчивость на запросы друг друга»)<sup>43</sup> Еще одним отзвуком «теории Эроса» в дневнике Т. Д. Рожковой был тезис о необходимом сходстве «политического и культурного кругозора» партнеров, об их при-

<sup>31</sup> См.: Чуйкина С. А. «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности. СПб., 2002. С. 127.

<sup>32</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 73. Запись от 28.11.1949.

<sup>33</sup> Там же. Л. 156, 197. Записи от 24.07.1950; 31.12.1950.

<sup>34</sup> Там же. Л. 710б. Запись от 23.11.1949.

<sup>35</sup> См.: Полонская А. В. Романтическая героиня // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 22–34.

<sup>36</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 240б., 73, 76. Записи от 16.09.1947; 28.11.1949; 01.12.1949.

<sup>37</sup> Там же. Л. 10б. Запись от 03.07.1947.

<sup>38</sup> Там же. Л. 69. Запись от 17.11.1949.

<sup>39</sup> Там же. Л. 73. Запись от 28.11.1949.

<sup>40</sup> См.: Китаи С. Эрос и революция: теория А. Коллонтай // Новый филологический вестник. 2009. № 2 (9). С. 124–131.

<sup>41</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 76. Запись от 01.12.1949.

<sup>42</sup> Там же. Л. 680б., 1750б., 1780б. Записи от 16.11.1949; 07.11.1950; 17.10.1950.

<sup>43</sup> Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 122.

надлежности к «одной породе», о любви как встрече с «близкой душой».<sup>44</sup>

Очевидно, что заветы А. Коллонтай не только не противоречили глубоко укоренным в сознании Т. Д. Рожковой романтическим любовным грезам — они сплелись с этими грезами, не оставив у Т. Рожковой никаких сомнений в проходимости или как минимум гибкости «формальных границ любви».<sup>45</sup> Об этом свидетельствуют и записи о кратковременных мимолетных связях дайаристки, и записи о ее длительных отношениях с женатым мужчиной. Так, описывая романтические встречи в командировках как ни к чему не обязывающие «праздники жизни»,<sup>46</sup> дайаристка говорила о них как убежденная эросистка. От затянувшегося же на годы романа с «верным и любящим другом М.» Т. Рожкова, несмотря на его несвободу, наоборот, ожидала чего-то «настоящего, прочного, глубокого». Отводя М. символическую роль «любимого мужа» — опоры в жизни и, в свою очередь, обещая ему быть верной женой, она не просто определяла их отношения как семейные. Она пыталась легитимировать эти отношения в собственных глазах, а также в глазах других людей и тем самым хотя бы приблизиться к нормальной модели семьи. В качестве оправдания при этом использовался как тот факт, что союзы, подобные союзу незамужней дайаристки и женатого М., в послевоенном обществе были широко распространены («многие так живут и все хорошо»), так и то обстоятельство, что окружающие, в частности квартирная хозяйка и ее сестра, не только не осуждали свою посто-ялицу за, казалось бы, преступную связь, но и фактически признали ее нормативной: «Мои старушки называют в шутку его “зятем” даже. В конце концов я перестала даже стесняться — дело житейское».<sup>47</sup> Разрешить проблему «безнравственности» их с М. романа также помогло его переосмысление в романтическом ключе.<sup>48</sup> Так, ради возможности быть с избранником дайаристка оказалась готова признать за его семьей ее официальный статус и уступить этой семье права на материальные

блага: «Пусть его семья себе живет как жила. Там его дом, хозяйство, корова — ну и пусть им будут деньги, а мне его сердце».<sup>49</sup>

Однако имморализм, в определенной степени свойственный и романтической любви, и «крылатой» концепции, так и не стал окончательной нормой для дайаристки. Об этом свидетельствуют те переживания, которые были связаны со страхом Т. Д. Рожковой перед угрозой огласки ее связи с М. Поэтому, рассматривая ее философию любви и счастья, следует помнить о безусловном влиянии на эту философию представлений, заложенных в родительской семье, отрефлексированного опыта уже пройденных отношений, а также доминантных общественных установок. Иначе говоря, философия любви и счастья Т. Д. Рожковой была изначально сложноструктурирована. Она была бытийна и потому изменчива, и изменчива, потому что бытийна, сообразуясь с самой жизнью, с ее конкретикой. Именно поэтому впоследствии Т. Д. Рожкова относительно спокойно пережила постепенное угасание своей привязанности к М. и тут же выстроила на ее обломках новую модель счастья, счастья без любви или одинокого счастья, основанного на «выстраданном годами лишений» «заслуженном эгоизме».<sup>50</sup> Любовь при этом была отправлена в прошлое, сдана в архив, и ее помещение туда напрямую повлияло на представления дайаристки о времени.

#### *Между прошлым и будущим*

Не будет преувеличением сказать, что время стало одним из любимых «героев» Т. Д. Рожковой, размышления о котором были одной из смысловых осей ее дневника. Главным образом это были размышления о времени ушедшем, и прежде всего они касались «милого золотого детства»: «Невольно вспомни[ла] мои детские имени[ны] дома — в тесном семейном кругу. Интересн[ые] подарки — бабушка, тетя Маня, молоды[е] папа и мама. Весь милый уют детства — детс[к]ие радости и сюрпризы!»<sup>51</sup>

Вспоминая о детстве как об утраченном рае, Т. Д. Рожкова не была оригинальна.<sup>52</sup> Воспроизводя рамку и тональность, типичные

<sup>44</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 10б., 39, 73. Записи от 03.07.1947; 11.01.1948; 28.11.1949.

<sup>45</sup> Коллонтай А. М. Указ. соч. С. 122.

<sup>46</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 25, 156. Записи от 16.09.1947; 24.07.1950.

<sup>47</sup> Там же. Л. 310б., 38. Записи от 06.12.1947; 02.01.1948.

<sup>48</sup> О преодолении запретов в концепции романтической любви см.: Малахаева С. К. Указ. соч. С. 60, 61.

<sup>49</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 310б., 39. Записи от 06.12.1947; 11.01.1948.

<sup>50</sup> Там же. Л. 71 об., 178 об. Записи от 23.11.1949; 17.10.1950.

<sup>51</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // Там же. Л. 62. Запись от 15.10.1949.

<sup>52</sup> См.: Coe R. N. When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. Yale, 1984. P. 62–64, 75.

для традиционного романтического нарратива, созданного еще литераторами XIX в., она вспоминала о детстве так же, как о нем вспоминали многие другие современники с опытом дореволюционной социализации.<sup>53</sup> Значительно интереснее то, что в романтическом же стиле, для которого характерно противопоставление мира идеального и мира реального, обозначенное в литературе как «двоемирие»,<sup>54</sup> были выдержаны и авторские пассажи на тему «взрослой», хотя и молодой жизни 1930-х гг.: «Нахлынула волна воспомин[аний]. Наша жизнь с папой и мамой у П[етуховых]. Цветущие клумбы вокруг террасы... Шум сосен. На террасе мама сидит в качалке — я гуляю по дорожке — готова зачет... Приходит папоч[ка] — обед на террасе — разговоры о новостях, потом папа идет посмотреть к[лумбы], возится с цветами — это его отдых... Да, “как хорош[и] как свежи были флоксы”...»<sup>55</sup>

Но дело было, вероятно, не просто в романтизме. Идеализируя прошлое, Т. Д. Рожкова обнаруживала в своем дневнике следы той самой рефлексующей ностальгии, которую С. Бойм противопоставила ностальгии реставрирующей.<sup>56</sup> При этом рефлексующая ностальгия Т. Д. Рожковой, как и положено рефлексующей ностальгии вообще, не предполагала возвращения к прошлому. Дайаристка понимала, что это невозможно, дистанцируясь и от него, и от прошлой себя: «Смерть отняла у меня всех дороги[х] сердцу. Я живу сердцем в дорог[о]й “Стране воспоминаний”». Душа моя умерла вместе с ними».<sup>57</sup>

При этом рассуждать о целях «визитов» Т. Д. Рожковой в «Страну воспоминаний» дальше вряд ли стоит, поскольку об их исцеляющем одинокие души значения («...я снова побывала там, в “Стране воспоминаний”, и набралась новых душевных сил») <sup>58</sup> хорошо известно.<sup>59</sup> Ностальгические мотивы дневника

Т. Д. Рожковой актуализируют другой, значительно более важный вопрос — вопрос о том, где в ее сознании находилась точка перехода, граница между счастливым и явно преобразованным дайаристкой вчера и трудным, неуютным, даже бесприютным сегодня? Текст дневника позволяет предположить, что разрыв между прошлым и настоящим в сознании Т. Д. Рожковой возник со смертью матери, после которой автор дневника пересобирает и упорядочивает свое прошлое. Именно тогда то, что казалось ей самым светлым пятном в прошлом, стало для дайаристки мотивацией в настоящем: «Сегодня годовщина маминной смерти... И вот как в дни траура по героям — дают клятву во имя них — сделать еще больше успеха, в память их не падать духом, а добиться победы — так и я сегодня добилась “большой победы”... [Мои] лекци[и] не признали плохим[и] и эт[о] уже победа... Это ради мамы. Мама была бы рада за меня сегодня и гордил[ась] бы мн[ой]».<sup>60</sup>

Аналогичный подход к решению проблемы связи времен дневник Т. Д. Рожковой обнаруживает после смерти отца, которая привела к оформлению новой границы между прошлым и настоящим в сознании дайаристки. Как и в случае с предыдущей «отсечкой»,<sup>61</sup> Т. Д. Рожкова идеализировала новое безвозвратное прошлое, с одной стороны, и нашла в нем опору для настоящего — с другой: «Вдруг со дна отчаянья поднялся новый голос, словно кто-то мне вдруг подсказал: “Помни, что папа нытиков не любил и сам был всегда образцом мужеств[а], жизнен[ной] энерг[ии] и творческ[ой] иници[а]тивности...” Долой унынье — ради папы, который всегда был за твердость и целеустремл[енно]сть... Во имя него я должна поднять и нести дальше упавшее знамя».<sup>62</sup>

Очевидно, таким образом, что эмоции, которые приходили вместе с ностальгическими переживаниями, оказались для дайаристки эмоциями периодизирующими. Положась на них, Т. Д. Рожкова, однако, не просто разделила свое прошлое на три периода (детские годы; годы юности, проведенные рядом с родителями; годы, прошедшие между смертью матери

<sup>53</sup> См.: Сальникова А. А. «Геена огненная»: детское восприятие раннего советского периода // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 337.

<sup>54</sup> См., напр.: Рудакова С. В. К проблеме изучения романтизма // *Вісник Дніпропетровського ун-ту ім. Альфреда Нобеля. Сер. «Філологічні науки»*. 2013. № 2 (6). С. 65–69.

<sup>55</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 160. Запись от 31.07.1950.

<sup>56</sup> См.: Бойм С. *Будущее ностальгии*. М., 2019.

<sup>57</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 186. Запись от 26.11.1950.

<sup>58</sup> Там же. Л. 169об. Запись от 03.09.1950.

<sup>59</sup> См.: Абрамов Р. Н. *Время и пространство ностальгии* // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 5–23; Фенько А. Б. *Ностальгия* // *Человек*. 1993. № 6. С. 38–53; Sedikides C., Wildschut T., Baden D. *Nostalgia: Conceptual issues and exist-*

*tential functions* // *Handbook of experimental existential psychology*. New York, 2004. P. 200–214; и др.

<sup>60</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 63об. Запись от 23.10.1949.

<sup>61</sup> Там же. Л. 31. Запись от 06.12.1947.

<sup>62</sup> Там же. Л. 153об. Запись от 19.07.1950.

и уходом отца). Она пошла значительно дальше, увязав с прошлым не только настоящее, но и свои женские мечты: «Я сегодня в полудреме мечтала — как бы могла пойти наша жизнь по другой стрелке... Я представил[а] дачу в лесу под Москв[ой] — папа, я, Люда, Вася, мой ребенок. Лето, шумят сосны — покой, семья, радость и тепло. Папа возитс[я] с цвета[ми], мы счастливы с Васей — полная хоро[ш]ая жизн[ь]...»<sup>63</sup>

Несбыточность, утопичность таких мечтаний в данном случае вряд ли приведет нас к оригинальной теории ретротопии З. Баумана<sup>64</sup> или банальному эскапизму. Ничего не построено, «ничего нет»<sup>65</sup> — вот результат, который породили бесконечные попытки укрыться в идеализированном прошлом. При этом то, что ничего не построено и не строится сейчас, объяснялось в дневнике довольно просто: «Судьба не посчиталась с этим, жестоко обманув меня», «все мои усил[и]я жиз[нь] (ил[и] злая Судьб[а]), одни[м] махом разбивал[и] уж не раз», «опять судьба смеется...» и т. п.<sup>66</sup>

Идеализированное неповторимое прошлое, настоящее, в котором «ничего нет», и обращенное назад будущее — вот и все, что было у Т. Д. Рожковой перед лицом «злой судьбы». Такой расклад означал отсутствие у автора дневника ясных представлений о своем месте в мире, и вряд ли стоит удивляться, что однажды она сама задокументировала это: «Я еще видела людей преж[ней] эпохи и выросла уже в новую эпоху — но в трудн[ые] годы ломк[и] и перестройки — новое поколен[ие] этого не пережил[о] и оно слишком плоскодонно и неглубоко — не знает ни бурь, ни порывов — ни трагедий творч[еской] натур[ы]». <sup>67</sup> По мысли Т. Д. Рожковой, таким людям, как она, в настоящем была уготована только борьба, в которой они погибали «под ударами грубого практи-

цизма». И потому таким людям, как она, надо было жить не здесь и сейчас, а либо «среди одаре[нных] мечт[ателей] XIX в[ека,] либо в светлом царстве будущ[его] коммунизма». <sup>68</sup> Романтическое «двоемирие», складывавшееся из мифологизированных прошлого и будущего, таким образом, заслоняло собой настоящее и девальвировало его ценность.

\*\*\*

Очевидно, таким образом, что рассуждения о счастье, любви и времени в «Сибирских тетрадах» Т. Д. Рожковой оказались не просто рядоположенными. Они тесно сплетались друг с другом, зафиксировав исторически, культурно, социально и лично обусловленные представления автора о мире вокруг и внутри себя. Соотношение типично советского, типично женского, типично интеллигентского и сугубо частного при этом вряд ли подлежит строгой математической оценке. Однако какими бы непростыми ни казались представления Т. Д. Рожковой о счастье, любви и времени, в целом они, безусловно, тяготели к универсальному общечеловеческому пониманию счастья, любви и времени как важнейших аспектов жизни, прочно обосновавшихся в сфере индивидуального и коллективного воображения. И несмотря на то что главной задачей дайаристики не являлось объективное отражение реальности, ее дневник, вне сомнения, оказался наполнен дыханием своей эпохи. Дыхание это прежде всего экспонируют риторические модели и нарративные шаблоны, использованные Т. Д. Рожковой в рассуждениях о счастье, любви и времени — рассуждениях, которые запечатлели, что обычный советский человек жил богатой внутренней жизнью, а его «советскость» вовсе не была чем-то одномерным.

### ***Elena Iu. Lebedenko***

Candidate of the Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: [hyulebed@mail.ru](mailto:hyulebed@mail.ru)

### ***Nataliya V. Surzhikova***

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: [snvplus@mail.ru](mailto:snvplus@mail.ru)

<sup>63</sup> Там же. Л. 197об. Запись от 31.12.1950.

<sup>64</sup> См.: Бауман З. Ретротопия. М., 2019.

<sup>65</sup> Дневник, 1947–1951 гг. // ГА в г. Тобольске. Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 57. Л. 154об. Запись от 23.07.1950.

<sup>66</sup> Там же. Л. 60б., 140б., 58об. Записи от 01.08.1947; 08.08.1947; 07.10.1949.

<sup>67</sup> Там же. Л. 155об. Запись от 23.07.1950.

<sup>68</sup> Там же. Л. 144об. Запись от 12.07.1950.

“NO, LIVING IS GOOD AFTER ALL! ...”: HAPPINESS, LOVE AND TIME IN THE DIARY OF A SOVIET PROVINCIAL WOMAN OF THE MID-20<sup>TH</sup> CENTURY

The article, based on the example of the personal diary of a Soviet provincial woman of the mid-20th century, considers such important problems for cultural history and historical anthropology as genesis and dynamics of the ideas of contemporaries of a particular historical epoch about happiness, love and time. It is shown that in their interpretations presented in T. D. Rozhkova's diary historically, culturally, socially and personally conditioned propositions peacefully coexisted. The ratio of the typically Soviet, typically feminine, typically intellectual and purely private is not amenable for rigorous assessment. Nevertheless, no matter how tricky the interweaving of the normative and the casual in T. D. Rozhkova's notions of happiness, love and time was, in general, they certainly gravitated towards a universal understanding of happiness, love and time as the most important aspects of human life, firmly established in the sphere of individual and collective imagination. At the same time, despite the fact that the diarist's main task was clearly not the task of objectively reflecting reality, her diary turned out to be filled with the zeitgeist. First of all, it is exposed by rhetorical models and narrative templates used by T. D. Rozhkova in her speculations on happiness, love and time — speculations that captured that an ordinary Soviet person lived a rich inner life, and his or her “Sovietness” was not something one-dimensional at all.

Keywords: *ego-documents, diary, happiness, love, time, creativity, comfort, romanticism, nostalgia, utopia*

REFERENCES

- Abramov R. N. [Time and a space of Nostalgia]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 4, pp. 5–23. (in Russ.).
- Apresyan R. G. [The Ideal of Romantic love in Post-romantic time]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2005, no. 6, pp. 201–218. (in Russ.).
- Balina M., Dobrenko E. Introduction. *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*. London; New York: Anthem Press, 2009, pp. XV–XXIV. DOI: 10.7135/upo9781843318170.001 (in English).
- Bauman Z. *Retrotopiya* [Retrotopia]. Moscow: VTsIOM Publ., 2019. (in Russ.).
- Boym S. *Budushhee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: NLO Publ., 2019. (in Russ.).
- Boym S. *Obshchiye mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni* [Common Places: Mythologies of Everyday Life]. Moscow: NLO Publ., 2002. (in Russ.).
- Chaikina S. A. [“Mode of life is inseparable from politics”: official and unofficial norms of “sexual” morality in Soviet society of the 1930s–1980s]. *V poiskakh seksual'nosti* [In search of sexuality]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2002, pp. 99–127. (in Russ.).
- Coe R. N. *When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*. Yale: Yale University Press, 1984. (in English).
- Dunham V. *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. New York: Cambridge University Press, 1976. (in English).
- Fenko A. B. [Nostalgia]. *Chelovek* [Human Being], 1993, no. 6, pp. 38–53. (in Russ.).
- Giddens A. *Transformatsiya intimnosti: seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennom obshchestve* [The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2004. (in Russ.).
- Gurova O. Yu. [From everyday asceticism to the cult of things: consumption ideology in Soviet society]. *Lyudi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture* [People and things in Soviet and post-Soviet culture]. Novosibirsk: NGU Publ., 2005, pp. 6–21. (in Russ.).
- Halfin I. [The syntax of the Bolshevik subject]. *Ab imperio* [Ab imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space], 2002, no. 3, pp. 403–409. DOI: 10.1353/imp.2002.0099 (in Russ.).
- Hellbek J. *Revolutsiya ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (in Russ.).
- Herzberg J. Telling Life, Writing War. The Diary of Maria Bruss. *Autobiografija* [Autobiography], 2015, no. 4, pp. 271–278. DOI: 10.25430/2281-6992/v4-271-278 (in English).
- Kitai S. [Eros and Revolution: A. Kollontai's Theory]. *Novyy filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2009, no. 2 (9), pp. 124–131. (in Russ.).

- Kozlova N. N. [Socialist Realism: Producers and Consumers]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1995, no. 4, pp. 143–153. (in Russ.).
- Lebedenko E. Ju., Surzhikova N. V. [Diary of a (non)ordinary woman: dialogues with time and search for yourself], *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2021, no. 1 (52), pp. 168–180. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-1-168-180. (in Russ.).
- Makarenko A. S. [About happiness. The note]. *Pedagogicheskiye sochineniya v vos'mi tomakh* [The Pedagogical Works in 8 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, vol. 7, p. 101. (in Russ.).
- Malakhayeva S. K. [“Romantic love” as innovative subjectivity mode: historical and culturological journey]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 2015, vol. 7, no. 1, pp. 58–64. DOI: 10.17150/2225-7845.2015.7(1).58-64 (in Russ.).
- Paperno I. *Sovetskaya epoha v memuarah, dnevnikh, snah. Opyt chteniya* [Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. (in Russ.).
- Polonskaya A. V. [A romantic heroine]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Ku'turologiya. Vostokovedeniye* [RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural and Oriental Studies” Series], 2010, no. 11 (54), pp. 22–34. (in Russ.).
- Pushkareva N. L. [Public invasion of privacy (heuristic value of oral and written ego-documents for gender history)]. *Zapad – Vostok* [West – East], 2018, no. 11, pp. 161–179. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-161-179. (in Russ.).
- Rozhanskiy M. [Soviet Girl's Dairy]. *Interaksiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Inter], 2007, vol. 3, no. 4, pp. 55–70. (in Russ.).
- Rudakova S. V. [To the problem of studying Romanticism]. *Visnyk Dnipropetrovs'koho un-tu im. Al'freda Nobelya. Ser. “Filolohichni nauky”* [Bulletin of the Alfred Nobel University of Dnepropetrovsk. Philological Sciences Series], 2013, no. 2 (6), pp. 65–69. (in Russ.).
- Salnikova A. A. [“The Gehenna of Fire”: The children perceptions of the early Soviet period]. *Ab imperio* [Ab imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space], 2002, no. 3, pp. 321–352. DOI: 10.1353/imp.2002.0007 (in Russ.).
- Sarnov B. M. *Nash sovetskiy novoyaz. Malen'kaya entsiklopediya real'nogo sotsializma* [Our Soviet Newspeak: A short Encyclopedia of Real Socialism]. Moscow: Materik Publ., 2002. (in Russ.).
- Savkina I. L. [“I'm just an ordinary person”: Two women's diaries from Soviet times]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, no. 4 (32), pp. 79–88. (in Russ.).
- Savkina I. L. [Diaries and notes of the 1930–1940]. *Russkaya literatura XX veka: 1930-e – seredina 1950-h godov* [Russian literature of the 20th century: 1930s – mid 1950s]. Moscow: Akademiya Publ., 2014, vol. 1, pp. 412–437. (in Russ.).
- Sedikides C., Wildschut T., Baden D. Nostalgia: Conceptual issues and exis-tential functions. *Handbook of experimental existential psychology*. New York: GuilfordPress, 2004, pp. 200–214. (in English).
- Volkov V. V. [Conception of culture-ness: soviet civilisation and everyday life of Stalin's time]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 1996, no. 1–2, pp. 194–213. (in Russ.).